
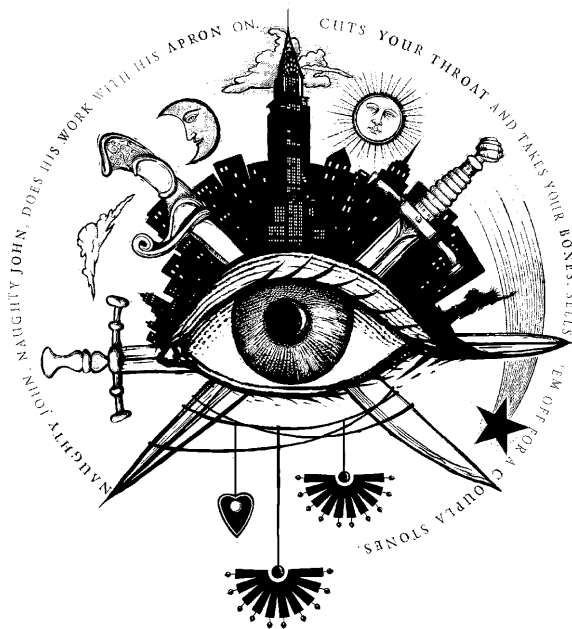
ПРОРОКИ

• Либба Брэй •

ПРОРОКИ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Б 89

Libba Bray
THE DIVINERS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Перевод с английского *Юлии Ершовой*

Дизайн обложки *Екатерины Фerez*

Брэй, Либба.

Б 89 Пророки: [роман] / Либба Брэй. — Москва: АСТ,
2014. — 672 с.

ISBN 978-5-17-086615-1

ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В ПРИЗРАКОВ, ДЕМОНОВ И ПРОРОКОВ?

1926 год, «Эпоха джаза». Нью-Йорк. Город мечтателей, проживающих каждый день словно последний.

В качестве наказания за взбалмошное поведение юную Эви О'Нил отправляют из скучного провинциального городка Огайо в роскошный Нью-Йорк. Но для Эви это спасение. Она грезит мечтами о покорении «столицы мира». Единственной помехой этому может стать ее эксцентричный дядюшка Уилл, под опекой которого она находится. Его странное увлечение оккультизмом не добавляет ему обаяния – особенно когда в городе находят тело зверски убитой девушки с загадочным символом на груди. Раскрыть преступление в одиночку полиции не по силам. Тут Эви понимает, что самый страшный секрет, который она хранила все эти годы, может помочь найти маньяка. Если тот не доберется до нее первым...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-086615-1

© 2012 by Martha E. Bray

© Ю. Ершова, перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

*Дорогой маме, Нэнси Брэй,
привившей мне любовь к чтению*

Но что за ярый, чудовищный зверь
В Вифлеем, попирая пустыню, бредет?
Чье рождение ныне грядет?¹

*«Второе пришествие»,
Уильям Батлер Йейтс*

---

¹ В переводе Я. Пробштейна.

Глава 1

Летний вечер

В доме по модному адресу Манхэттен Аппер-Ист-Сайд включены все лампы до единой. В разгаре последняя вечеринка этого лета. На террасе с видом на Манхэттен оркестр наслаждается долгожданной передышкой. Время близится к полуночи. Гости собрались здесь с восьми часов вечера, и многие уже начинают откровенно скучать. Молоденькие дебютантки в модных шифоновых платьях пастельных оттенков уныло растеклись в кожаных креслах, как растаявшее мороженое под жарким солнцем. Какой-то задавака-молокосос из Принстона уговаривает приятелей уехать с ним в Гринвич-Виллидж, в новый бар, о котором рассказывал друг его друга.

Хозяйка вечеринки, капризная и испорченная юная штучка, с тревогой наблюдает за тем, как скисают ее гости. Сегодня ей исполнилось восемнадцать, и если она не придумает, как воскресить эту вечеринку из мертвых, то на всю жизнь прославится как «та самая зануда, у которой было скучно, как в воскресной школе».

Воскресить из мертвых.

В прошлые выходные ей пришлось тащиться с мамой в антикварный магазин. Она уже начала было за-

сыпать над прилавками, как вдруг увидела старую выцветшую «говорящую доску» Уиджа¹. Парапсихологи утверждают, что благодаря ей можно получать послания и предупреждения с того света. Продавец тут же сообщил, что жутковатая вещица оказалась у него при крайне загадочных обстоятельствах.

— Говорят, что в ней обитают неупокоенные духи. Но может быть, вам с сестрой удастся их укротить? — сказал он, рискуя перестараться с лестью. Тем не менее мама заглотила наживку и в результате выложила кругленькую сумму, переплатив как минимум вдвое. Ну что ж, теперь потраченные деньги точно не пропадут зря.

Девушка быстрым шагом направляется в дом и подзывает горничную.

— Будь так добра, милочка, принеси мне ту антикварную штуковину.

Служанка вручает ей доску, неодобрительно покачав головой.

— Может, не стоило бы затевать все это, мисс?

— Не говори глупости. Это просто примитивные предрассудки.

Держа в руках злополучную доску, модная штучка влетает в просторную гостиную с головокружительным пируэтом, достойным Клары Боу².

— Кто-нибудь хочет пообщаться с духами? — Хозяйка посмеивается, демонстрируя, что не воспринимает все дело всерьез: ведь она взрослая современная девушка, вертушка-кокетка, настоящий флэппер³ до мозга костей.

Ее приунывшие подружки оживляются и вскакивают со своих мест.

---

¹ Доска Уиджа — планшетка для спиритических сеансов с нанесенными на нее буквами алфавита, цифрами от 1 до 10 и словами «да» и «нет».

² Клара Боу — американская актриса, звезда немого кино 1920-х годов.

³ Флэппер — прозвище эмансипированной молодой девушки, олицетворяющей поколение свободных 1920-х.

— Что это за абракадабра у тебя в руках? Неужели спиритическая доска?

— Разве это не класс? Мама купила ее специально для меня. Говорят, в ней заключены призраки, — смеется юная хозяйка. — Но я, конечно, в это не верю.

Она ставит в центр доски планшетик в форме сердца.

— Ну что, готовы понервничать?

Все собираются вокруг, и, о чудо, Джордж встает поближе к ней. Он учится в Йеле, на первом курсе. Уже много ночей подряд она проводит в постели, фантазируя о том, каким радостным и безоблачным может быть их совместное будущее.

— Кто-нибудь хочет начать? — игриво произносит она и кладет пальцы на планшет, поближе к ладони Джорджа.

— Я, — объявляет парень в забавной феске, придающей ему дурацкий вид. Как зовут этого сумасброда, неизвестно, но ходят слухи о его привычке предлагать петтинг всем девушкам подряд. Картинно закрыв глаза, повеса касается пальцами планшета. — Вопрос века: правда ли, что юная леди справа безумно в меня влюблена?

Девчонки взвизгивают, а парни смеются, потому что планшет под их руками медленно выводит: «Д-А».

— Лжец! — обиженно вопит девушка, о которой идет речь, и надувает губки, глядя на спиритическую доску.

— Здесь нечего стесняться, душка. Я сам готов попасть в твои сети, — успокаивает ее повеса.

Обстановка накаляется, вопросы становятся более смелыми и откровенными. Молодежь опьянела от джина, беззаботного веселья и возможности играючи узнать свою судьбу. *Что ни утро, что ни вечер — разве мы не веселимся?*¹

— А может быть, стоит вызвать всамделишного духа? — замечает Джордж.

---

¹ Строка из популярного в 1920-х фокстрота «Ain't we got fun?».

Хозяйка вечеринки теряется. Именно об этом предупредил ее продавец в антикварном магазине. Он сказал, что вызванного духа обязательно следует отпустить, попрощавшись с ним, иначе может случиться непоправимое. Наверное, хотел как следует запугать покупателей и содрать побольше денег. На дворе 1926 год: кто станет верить в проклятия и монстров, когда есть автомобили, самолеты, «Коттон клуб» и такие люди, как Джейк Марлоу, на своих мощных плечах несущие Америку в мир прогресса?

— Только не говори, что боишься. — Джордж ухмыляется, скривив красивые губы. Эта жестокая улыбка делает его еще более привлекательным.

— Боюсь чего?

— Что у нас кончатся запасы джина! — за нее отвечает парень в феске, и все радостно ржут.

Низкий голос Джорджа едва слышно гудит у самого ее уха.

— Со мной ты в безопасности. — И он кладет руку ей на талию.

Нет, это, без сомнения, счастливейшая ночь за всю историю человечества!

— Мы обращаемся к духу, живущему в этой доске, с просьбой откликнуться на наш зов и раскрыть нам тайны будущего! — с торжественными завываниями декламирует хозяйка, тихонько посмеиваясь. — Подчинись нам, о дух!

Следует мгновение, показавшееся всем бесконечным, и затем планшетка вдруг оживает и медленно начинает мигрировать вдоль готических букв, складывая их в слово.

«П-Р-И-В-Е-Т».

— Это же дух! — раздается чей-то прерывистый шепот.

— Как твое имя, о дух? — обращается к нему хозяйка. Планшет начинает двигаться быстрее.

Глава 1. Летний вечер

«С-Т-Р-А-Ш-Н-Ы-Й-Д-Ж-О-Н».

Джордж скептически приподнимает бровь:

— А мне нравится. И чем же ты так страшен, приятель?

«С-К-О-Р-О-У-З-Н-А-Е-Ш-Ь».

— Скоро? И что же ты задумал, озорник?

Безмолвие.

— Хочу танцевать! Поехали в центр, в «Лунный свет», — канючит одна из в стельку пьяных девиц с кислой гримасой. — И когда вообще вернется оркестр?

— Через минуту. Не сходи с ума, — успокаивает ее хозяйка с напряженной улыбкой. — Давайте попробуем задать другой вопрос. Страшный Джон, может быть, у тебя есть какое-нибудь предсказание? Судьбоносное пророчество? — Она с хитрым видом косится на Джорджа.

Ее вопрос остается без ответа.

— Но ты же скажешь нам еще что-нибудь?

И доска наконец оживает.

— Я... заставлю... вас... дрожать... от ужаса... — вслух читает хозяйка.

— Напомнил мне директора из моей старой школы, — поддразнивает парень в феске. — И как ты это сделаешь, приятель?

«Я-В-С-Т-А-Н-У-У-В-А-Ш-Е-Г-О-П-О-Р-О-Г-А-И-П-О-С-Т-У-Ч-У».

«Я-З-В-Е-Р-Ь».

«З-М-И-Й-И-С-К-У-С-И-Т-Е-Л-Ь».

— Это еще что за чертовщина? — бормочет пьяная девица, едва заметно отклонившись назад.

— Ничего это не значит. Просто тарабарщина какая-то, — одергивает ее хозяйка, но очевидно, что ей тоже не по себе. Она резко оборачивается к ловеласу в феске. — Это ведь ты двигал планшетку!

— Вовсе нет. Клянусь! — Он наивным детским жестом крестит сердце.

— Почему ты здесь, приятель? — Джордж обращается к доске.

Планшет движется так быстро, что ребята едва успевают разобрать слова.

«В-М-О-И-Х-Р-У-К-А-Х-К-Л-Ю-Ч-И-О-Т-А-Д-С-К-О-Г-О-Н-Е-Б-Ы-Т-И-Я».

«Г-Р-Я-Д-Е-Т-Р-А-С-П-Л-А-Т-А-А-Р-М-А-Г-Е-Д-Д-О-Н-У-Ж-Е-З-Д-Е-С-Ь-В-А-В-И-Л-О-Н-С-К-И-Е-Б-Л-У-Д-Н-И-Ц-Ы».

— Сейчас же прекрати все это! — восклицает хозяйка.

«Б-Л-У-Д-Н-И-Ц-Ы-Б-Л-У-Д-Н-И-Ц-Ы-Б-Л-У-Д-Н-И-Ц-Ы», — надрывается планшетка. Ребята отдергивают руки прочь от гадкой штуковины, но она продолжает двигаться сама собой.

— Остановите его! Сделайте так, чтобы он прекратил! — визжит одна из девиц. Но даже испорченные нью-йоркские юнцы, которых уже ничем не удивить, бледнеют и испуганно пятятся назад.

— Замолчи, дух! Прекрати немедленно! — требует хозяйка.

Планшетка замирает. Все присутствующие с ужасом смотрят друг на друга. В соседнем зале после перерыва собирается оркестр и начинает исполнять зажигательную мелодию.

— Аллилуйя! Пойдем, детка. Покажу тебе, как танцуют «блэк боттом»¹ настоящие головорезы, — пьяная девица с трудом поднимается на ноги и увлекает за собой парня в феске.

— Куда вы, подождите! Мы еще должны попрощаться с духом, согласно ритуалу! — взмаливается хозяйка, глядя вслед гостям.

Джордж обвивает рукой ее талию.

---

¹ Американский танец африканского происхождения с элементами непристойности, популярный в 1920-х.

—Только не говори мне, что Страшный Джон смог тебя запугать.

—Но мне...

—Ты же знаешь, что это наш приятель похулиганил. — Дыхание Джорджа приятно щекочет ее ухо. — У него свои методы, тебе ли не понимать.

Конечно же, она все понимает. Это наверняка шуточки их мерзкого дружка, он хотел разыграть их. Но теперь ее никому не обдурить. Ей ведь уже стукнуло восемнадцать, ее ждет сладкая жизнь, где череду вечеринок будут сменять танцы и балы, и так до бесконечности. *Что ни утро, что ни вечер — все равно — разве мы не веселимся?* Все ее страхи позабыты, теперь они кажутся жалкими и беспочвенными. Вечеринка гремит в ночи, ковры скручены в рулоны, чтобы расчистить место для танцев, и гости отрываются вовсю. В воздухе разлетаются длинные жемчужные нитки, мелькают короткие прямые платья. Каблуки ритмично стучат о деревянный пол. Воздетые в воздух руки, загустевший от алкоголя и эмоций воздух — словно ожил какой-то сумасшедший коллаж в дадаистском стиле.

Хозяйка вечеринки забрасывает уже никому не нужную доску Уиджа в ящик стола, где она скоро будет позабыта, и бежит в ярко освещенную электрическим светом гостиную — изобретение Эдисона стало последним пискom моды. Там она беззаботно окунается с головой в последнюю вечеринку уходящего лета.

Снаружи ветер задерживает дыхание на мгновение и вдруг, словно сорвавшийся с цепи пес, яростно бросается вперед по проспектам и переулкам. Срывает модные шляпки-клош с нарядных головок двух молодых особ, которые выгуливают стриженного пуделя на Ист-ривер и обсуждают обстоятельства смерти Рудольфа Валентино. Затем ветер летит дальше, мимо кварталов, залитых неоновыми огнями, мимо громыхающего по

Второй авеню трамвая, сотрясая окна в домах бедняков, пытающихся досмотреть остатки снов, до того как настанет неумолимое утро с протяжными автомобильными гудками, громыханием тележек и трамваев — тех самых чистильщиков ботинок, что работают дни напролет на Юнион-сквер, газетчиков, выкрикивающих скандальные заголовки на Таймс-сквер, молоденьких телефонисток, жадно разглядывающих модные пальто в витринах дорогих бутиков. Величественные небоскребы нависают над спящим городом, словно равнодушные боги из стали и стекла.

У входа в джаз-клуб ветер замирает, словно пораженный залихватской мелодией, какофонией из надрывного рева труб, экспрессивных фортепианных проигрышей и смеси блюза и рэгтайма такой силы, будто она хочет всколыхнуть безмятежный городской горизонт.

На Боуэри под нарядным навесом театра бушует танцевальный марафон. Конкурсанты — молоденькие девчонки со своими приятелями — самоотверженно крутятся в унисон, готовые зубами и ногтями вырвать у жизни все те голубые мечты, что навязывает им реклама в газетах и по радио. Их ноги, стертые туфлями, ноют от волдырей, но в глазах горят звезды. Еще дальше, в центре города, на Великом Светлом Пути, прозванном так за ослепительную иллюминацию, выплывают в ночь хозяева жизни, властители умов и сердец. У выходов и у ворот покорно ждут фанаты в надежде ухватить хотя бы отблеск невероятного сияния какой-нибудь новомодной актриски или певички, получить автограф бродвейской звезды. Это время расцвета проходящей славы, сладкой жизни, легкой поживы и головокружительных излишеств. Люди переполнены жадой ярких впечатлений и исполнения тайных запретных желаний.

Но ветру вся эта суета побоку — он всего лишь ветер. Ему не хочется стать модным радиоведущим или удачливым предпринимателем. Он не станет спешить в офис поутру, не влюбится без оглядки в Дугласа Фэрбэнкса¹, не будет горланить песни с «улицы жестяных сковородок»², полные сожаления, мук несчастной любви или безудержного веселья. (*Разве мы не веселимся, детка?*) Равнодушным призраком он пронесится мимо скотобоен на Четырнадцатой авеню, мимо тех несчастных, что вынуждены торговать собой на темных переулках. Где-то неподалеку Госпожа Свобода вздымает факел во тьму, зовя к причалу всех бегущих от войны, голода и безнадёжности. В свою землю обетованную.

Ветер замечает дешёвые многоквартирные дома, где многие из мечтателей со звездами в глазах бесславно окончили свой век, успев дать новую жизнь сотням таких же, вынужденных теперь влачить существование в нищете и запустении, безрезультатно катить в гору камень забот, как Сизиф. Ветер треплет сушащейся на веревках одеждой и спешит дальше по темным переулкам, где даже в этот час голодные, оборванные дети шарят по помойкам в поисках чего-нибудь съедобного. Этот ветер вечно путешествовал по земле. Он видел все ужасы жизни, выступал молчаливым свидетелем на сожжениях ведьм, проследовал за изгнанными индейцами вдоль Дороги Слез, наблюдал, как из рабовладельческих судов выгоняют испуганно моргающий живой товар: у этих людей не было никакой собственности, кроме невыносимого горя. Когда Линкольна поразила пуля злодея, ветер был там. Он разносил запахи пороха на Сражении при Энтитеме. Он скитался с дикими бизона-

---

¹ Один из самых знаменитых американских актёров эпохи немого кино.

² Tin Pan Alley (англ.) — «улица жестяных сковородок» (или «жестяных кастрюль») — собирательное название американской коммерческой музыкальной индустрии.